

А во стольном во городе во Киеве,
Вот у ласкова князя да у Владимира,
Тут и было пированье-столованье,
Тут про русских могучих про богатырей,
Вот про думных-то бояр да толстобрюхиих,
Вот про дальних-то купцей-гостей торговых,
Да про злых-де поляниц да преудалых,
Да про всех-де хрестьян да православных,
Да про честных-де жен да про купеческих.
Кабы день-от у нас идет нынче ко вечеру,
Кабы солнышко катится ко западу,
А столы-те стоят у нас полустолом,
Да и пир-от идет у нас полупиром;
Кабы вси ле на пиру да напивались,
Кабы вси-то на честном да пьяны-веселы,
Да и вси ле на пиру нынъ прирасхвастались,
Кабы вси-то-де тут да приразляпались;
Как иной-от-де хвастат своей силою,
А иной-от-де хвастат своей сметкою,
А иной-от-де хвастат золотой казной,
А иной-от-де хвастат чистым серебром,
А иной от-де хвастат скатным жемчугом,
И иной-от-де домом, высоким теремом,
А иной-от-де хвастат нынъ добрым конем,
Уж как умной-от хвастат старой матерью,
Как глупой-от хвастат молодой женой.
Кабы князь-от стал по полу похаживать,
Кабы с ножки на ножку переступывать,
А сапог о сапог сам поколачивает,
А гвоздѣк о гвоздѣк да сам пощалкиват,
А белыми-ти руками да сам размахиват,
А злачными-то перстнеми да принабрякиват,
А буйной головой да сам прикачиват,
А желтыми-то кудрями да принатряхиват,
А ясными-то очами да приразглядыват,
Тихо-смирную речь сам выговариват;

Кабы вси-ту-де тут нонь приумолкнули,
Кабы вси-ту-де тут нонь приудрогнули:
«Ох вы ой есь, два брата родимые,
Вы Лука-де, Матвей, дети Петровичи!
Уж вы что сидите будто не веселы?
Повеся вы держите да буйны головы,
Потупя вы держите да очи ясные,
Потупя вы держите да в мать сыру землю.
Разве пир-от ле для вас да всё нечестен был:
Да подносчички для вас были невежливы,
А невежливы были, да не очестливы?
Уж как винны-то стаканы да не доходили,
Али пивны-то чары да не доносили?
Золота ле казна у вас потратилась?
Али добры-ти кони да приуезжены?»
Говорят два брата, два родимые:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
А пир-от для нас право честен был,
А подносчички для нас да были вежливы,
Уж как вежливы были и очестливы,
Кабы винны стаканы да нам доносили,
Кабы пивные-ти чары да к нам доходили,
Золотая казна у нас да не потратилась,
Как и добрых нам коней не заездити,
Как скачен нам жемчуг да все не выслуга,
Кабы чистое серебро – не похвальба,
Кабы есть у нас дума да в ретивом сердце:
Кабы есть у нас сестра да всё родимая,
Кабы та же Анастасья да дочь Петровична,
А никто про нее не знат, право, не ведает,
За семима-те стенами да городовыми,
За семима-ти дверьми да за железными,
За семима-те замками да за немецкими».
А учуло тут ведь ухо да богатырское,
А завидело око да молодецкое,
Тут ставает удалый да добрый молодец
Из того же из угла да из переднего,

Из того же порядку да богатырского,
Из-за того же из-за стола среднего,
Как со той же со лавки, да с дубовой доски,
Молодые Алешенька Попович млад;
Он выходит на средю кирпичат пол,
Становился ко князю да ко Владимиру:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь-ко, позволь мне слово вымолвить,
Не позволишь ле за слово ты сказнить меня,
Ты казнить, засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты под меч склонить».

Говорит-то-де тут нынче Владимир-князь:
«Говори ты, Алеша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай».
Говорит тут Алешенька Попович млад:
«Ох вы ой есь, два брата, два родимые!
Вы Лука-де, Матвей, дети Петровичи!
Уж я знаю про вашу сестру родимую, -
А видал я, видал да на руки сыпал,
На руки я сыпал, уста целовывал».
Говорят-то два брата, два родимые:
«Не пустым ли ты, Алеша, да похваляешься?»
Говорит тут Алешенька Попович млад:
«Ох вы ой еси, два брата, два родимые!
Вы бежите-ко нынь да вон на улицу,
Вы бежите-ко скоре да ко свою двору,
Ко свою вы двору, к высокоу терему,
Закатайте вы ком да снегу белого,
Уж вы бросьте-тось в окошечко косящато,
Припадите вы ухом да ко окошечку, -
Уж как чё ваша сестра тут говорить станет».
А на то-де ребята не ослушались,
Побежали они да вон на улицу,
Прибежали они да ко свою двору,
Закатали они ком да снегу белого,
Они бросили Настасье да во окошечко,
Как припали они ухом да ко окошечку,

Говорит тут Настасья да дочь Петровична:
«Ох ты ой еси, Алешенька Попович млад!
Уж ты что рано идешь да с весела пиру?»

Разве пир-от ле для те право не честен был?
Разве подносчички тебе были не вежливы?

А невежливы были да не очестливы?»

Кабы тут-де ребятам за беду стало,
За великую досаду показалось,

А хочут они вести ее во чисто поле.

Кабы тут-де Алешеньке за беду стало,
За великую досаду показалось.

«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!

Ты позволь мне, позволь сходить посвататься,

Ты позволь мне позвать да стара казака,

Ты позволь мне – Добрынюшку Никитича,

А ребята-ти ведь роду-ту ведь вольного,

Уж как вольного роду-то, смиренного».

Уж позволил им солнышко Владимир-князь,

Побежали тут ребята скоро-наскоро,

Они честным порядком да стали свататься.

Подошли тут и русски да три богатыря,

А заходят во гридню да во столовую,

Они Богу-то молятся по-ученому,

Они крест-от кладут да по-писаному.

Как молитву говорят полну Исусову,

Кабы кланяются да на вси стороны,

А Луки да Матвею на особицу:

«Мы пришли нынь, ребята, к вам посвататься,

Кабы с честным порядком, с весела пиру,

А не можно ле как да дело сделати?»

А не можно ле отдать сестра родимая?»

Говорит тут стар казак Илья Муромец:

«Не про нас была пословица положена,

А и нам, молодцам, да пригодилася:

Кабы в первой вины да, бывает, Бог простит,

А в другой-то вины да можно вам простить,

А третья-то вина не надлежит еще».
 Подал тут он ведь чару зелена вина,
 Не великую, не малу – полтора ведра,
 Да припалнивал меду тут да сладкого,
 На закуску калач да бел крупищатый;
 Подают они чару да обема рукми,
 Поближешенько они к има да придвигаются,
 Понижешенько они им да поклоняются,
 А берут-то-де чару единой рукой,
 А как пьют-ту-де чару к едину духу,
 Кабы сами они за чарой выговаривают:
 «А оммыло-де наше да ретиво сердцё,
 Звеселило у нас да буйну голову».
 Веселым-де пирком да они свадебкой
 Как повыдали сестру свою родимую
 За того же Алешеньку Поповича.